

— Почему твои глаза не могут принадлежать только мне?

Взгляд Чжу Мо становился всё глубже, словно чернильный водоворот, на его лице читалось безумие и одержимость.

— Учитель... — тихо позвал Фаньинь.

— М? Инь-инь? — На обычно холодном лице Дао-лорда Цинхуна появилось редкое выражение замешательства. Спустя несколько мгновений он, казалось, понял:

— Инь-инь, тебе не нравится, когда в секте слишком много народу?

Он не задал прямого вопроса, не спросил, не хочет ли он принять этого ученика. Вся эта тонкая забота предназначалась тому, кто занимал все его мысли.

— Нет, учитель. Просто я подумал, что по возрасту я на три года младше господина Чжу Мо. Может, мне стоит называть его старшим братом?

Ли Фаньинь сам не знал, почему вдруг сказал это. У него было ощущение, что если Чжу Мо станет его «младшим братом», это будет слишком странно! Какая-то дисгармония чувствовалась.

— Это...

Не только Цинхун, но и сам Чжу Мо, а также другие присутствующие, были ошеломлены. Они переглянулись, видя в глазах друг друга недоумение.

В мире культивации главное — уровень мастерства и старшинство. Кто помнит о мирских днях рождения? Иначе Ли Фаньинь не стал бы в таком молодом возрасте дядей всей секты! Даже в мирской жизни старшинство всегда было на первом месте.

Однако Цинхун не стал оспаривать слова Ли Фаньиня, а лишь улыбнулся:

— Значит, Инь-инь нравится быть младшим братом? Хе-хе...

Неизвестно, о чем он еще подумал, но легкое слово Дао-лорда Цинхуна сделало Чжу Мо старшим братом Ли Фаньиня.

Чжу Мо застыл, глядя на изысканный профиль Фаньиня, который казался столь совершенным, что напоминал течение облаков. Радость в его сердце бушевала, словно горный поток, готовый захлестнуть его. В глубине души он бормотал:

«С этого дня я твой старший брат? Я твой старший брат, и теперь могу быть рядом с тобой постоянно, Инь-инь...»

Последний нежный зов в его сердце был сладким, словно мед, и эта сладость окутала его душу.

На красивом лице Чжу Мо появилось выражение благоговения, а в его глазах загорелся яркий свет.

Когда ученик был принят, Цинхун распорядился, чтобы Чжу Мо поселился в Павильоне Цинчжу.

Павильон Цинчжу находился далеко от Павильона Цинфэн. Один на востоке, другой на западе.

Однако это расстояние для Чжу Мо не имело значения.

Как только все было устроено, Цинхун ушел вместе с Ли Фаньинем. Кроме первого взгляда, которым он окинул Чжу Мо при представлении, он больше не смотрел на него.

Если бы не его собственное согласие принять Чжу Мо в ученики, его холодное и безразличное отношение могло бы заставить других подумать, что он не благоволит Чжу Мо.

Чжу Мо, видя, как уходит Фаньинь, хотел последовать за ним, но, заметив взгляд главы секты, сдерживающего его, подавил свое желание.

«Да, глава сыграл важную роль в том, что я стал старшим братом Фаньиня. Фаньинь здесь, и я больше не позволю ему уйти!»

Чжу Мо смотрел, как последний край белоснежной одежды Фаньиня исчезает за дверью зала вместе с Дао-лордом Цинхуном. В углу, скрытом от чужих глаз, на его лице мелькнула тень безумия.

Теперь все было решено!

Когда Мэн Цинчэнь прибыл, он столкнулся с таким положением дел.

«В прошлой жизни мой друг не стал учеником Дао-лорда Цинхуна, а в этой жизни стал учеником учителя, его младшим братом? Старшим братом Инь-иня?»

Он знал, что что-то изменилось.

Но он не позволит никому и ничему, что угрожало жизни Фаньиня в прошлой жизни, приблизиться к нему снова. Он не позволит! В ясных глазах Мэн Цинчэня загорелся алый свет, и в них закрутилась буря жестокости.

Это был предвестник одержимости!

Однако через несколько мгновений он странным образом пришел в себя.

Мэн Цинчэнь отправился к Дао-лорду Цинхуну!

Хотя Цинхун ценил Мэн Цинчэня, кроме Фаньиня, его авторитет также не подлежал сомнению.

Несомненно, Цинхун отказал Мэн Цинчэню. Разве можно взять свои слова обратно? Тем более, если это обещание, данное Инь-иню? При этой мысли лицо Цинхуна смягчилось.

— Уходи.

Это лаконичное слово Дао-лорда Цинхуна завершило разговор.

Услышав это, Мэн Цинчэнь молча вышел, даже забыв поклониться Цинхуну.

Однако Цинхун не обратил на это внимания, лишь его холодный голос раздался за спиной Мэн Цинчэня:

— Цинчэнь, твое сердце Дао потрясено...

Цинхун по-прежнему сидел на циновке, закрыв глаза. Его лицо было спокойным,

безмятежным.

Если к Фаньиню он относился с безграничной любовью, то к Мэн Цинчэню он был как учитель или старший наставник, дающий необходимые наставления.

Услышав это, Мэн Цинчэнь лишь на мгновение задержался, а затем молча вышел.

«Сегодня я ничего не могу сделать, но впереди долгий путь. У нас еще есть время, и мы встретимся снова!»

Мэн Цинчэнь усмехнулся, его лицо, обычно прямое, теперь было наполнено зловещей энергией. Свет, который он всегда излучал, постепенно скрывался в тени.

Однако, прежде чем Мэн Цинчэнь успел что-то предпринять, он услышал, что Инь-инь собирается домой, возможно, для свадьбы, которая была predetermined в детстве по воле родителей и сватов.

Но как это возможно? Он облизал сухие губы, и в его глазах появилось убийственное выражение.

В Павильоне Цинфэн Ли Фаньинь держал в руках письмо от семьи, слегка растерянный, он прошептал:

— Отец...

На письме черные иероглифы, изящные, но резкие. Почерк отражал человека, но в нем также чувствовалась мягкость. Всего одна фраза:

— Сын, немедленно возвращайся!

Остальное, более подробное, Ли Ансюань уже сообщил ему через передающуюся тайну — это было о помолвке.

Ли Фаньинь почти мог представить, как его строгий и властный отец писал письмо, излучая тепло, его холодные глаза сияли, как звезды, а уголки губ слегка поднимались.

Думая об этом, на губах Ли Фаньиня непроизвольно появилась легкая улыбка. Хотя это длилось всего мгновение, оно было подобно расцветающему цветку.

На самом деле, Ли Ансюань также был могущественным культиватором, и Ли Фаньиню не нужно было приходить в Секту Фаньмэн и становиться учеником Цинхуна.

Можно сказать, что все это было predetermined судьбой!

В итоге Ли Фаньинь отправился за тысячи ли и вошел в Секту Фаньмэн.

Придя в себя, он понял, что уже два года не был в Цинъяне!

Ли Фаньинь вдруг почувствовал себя неблагодарным и слегка раскаянным. Хотя культивация важна, он был настолько поглощен ею, что забыл об отце!

С этой мыслью он сразу же отправился в Павильон Мэнли, чтобы попрощаться с учителем.

Цинхун сначала хотел сопровождать Ли Фаньиня, но он не знал, почему у него возникла такая

мысль. Он лишь почувствовал, что его настроение стало подавленным. Глядя в чистые, как озеро, глаза Ли Фаньиня, он вздохнул про себя:

«Раньше я был свободным от привязанностей, а теперь стал как те женщины-культураторы, сентиментальным!»

Подумав, он не смог удержаться и спросил, словно между прочим:

— Инь-инь, ты едешь домой из-за помолвки?

Хотя Фаньинь уже объяснил причину, Цинхун хотел спросить еще раз, чтобы убедиться.

Он смотрел прямо на Ли Фаньиня, проявляя заботу старшего, но он знал, что его сердце страдало, и каждый день казался годом.

Ли Фаньинь на мгновение задумался, его глаза, как хрусталь, посмотрели на Цинхуна, и он честно ответил:

— Да! Только...

— Тогда возвращайся скорее. Учитель будет ждать тебя...

Голос Цинхуна был немного напряжен, и он замолчал.

Ли Фаньинь хотел сказать что-то еще, но Цинхун уже не слушал. В его голове звучали слова Фаньиня: «Да!» Он боялся, что Фаньинь скажет что-то, что еще больше его расстроит. Теперь это было похоже на бегство, панику, но он старался сохранять спокойствие, прерывая Фаньиня.

<http://bllate.org/book/16649/1525311>